
К “ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ”

Ю.В.Стенник

ТРАДИЦИИ Державина в “Евгении Онегине”

Из всех поэтов XVIII века Державин был для Пушкина, пожалуй, единственным, сопричастность к творчеству которого он испытывал постоянно на протяжении всей жизни. От первых стихотворных опытов в Лицее, где в январе 1815 года юный Пушкин читал на экзамене в присутствии Державина свои “Воспоминания в Царском селе”, и до создания незадолго до своей кончины знаменитого стихотворения “Я памятник себе воздвиг...”, этого программного завещания поэта, лирика Державина остается оплодотворяющим началом пушкинских творческих исканий. Поэзия Державина не только выступает связующим звеном между культурой XVIII века и пушкинским временем, но она являлась своеобразной точкой опоры в обретении Пушкиным собственного поэтического лица.

Проблема отношения Пушкина в Державину имеет несколько аспектов. Я позволю себе остановиться на одном сравнительно частном, но тем не менее очень существенном моменте творческого усвоения Пушкиным поэтического опыта Державина. Речь пойдет об отражении державинских традиций в романе Пушкина “Евгений Онегин”. Не случайно, по-видимому, оглядываясь в заключительной главе романа на начальные этапы своей жизни и вспоминая свои первые поэтические уроки, Пушкин называет имя Державина, символически благословившего юного поэта у истоков его творческого пути:

Моя студенческая келья
Вдруг озарилась: Муза в ней
Открыла пир младых затей...
.....
И свет ее улыбкой встретил;

Успех нас первый окрылил;
 Старик Державин нас заметил
 И, в гроб сложя, благословит (VI, 165).

Можно выделить две сферы художественной структуры романа, в которых опора Пушкина на опыт Державина проявляется особенно наглядно. Это прежде всего описательный слой повествования, содержащий изображение Среды, в которой действуют и живут персонажи романа. И во-вторых, это отдельные лирические отступления, содержащие размышления автора о жизни, о друзьях, о женщинах, обо всем, что волновало Пушкина по ходу его работы над текстом романа.

Вспомним элегически окрашенный лирический пассаж из финальных строк 6 главы романа:

Мечты, мечты! где ваша сладость?
 Где, вечная к ней рифма, *младость*?
 Ужель и вправду наконец
 Увял, увял ее венец?
 .....
 Так, полдень мой настал, и нужно
 Мне в том сознаться, вижу я.
 Но так и быть: простимся дружно,
 О юность легкая моя! (VI, 136).

Мы подчас не задумываемся о том, что Пушкин в этих стихах развивает один из излюбленных мотивов державинской лирики — мотив преходящности жизни. В оде Державина "На смерть князя Мещерского" имеются строфы, не только заключающие, по существу, сходную мысль, но и структурно как бы предвосхищающие весь поэтический строй приведенного пушкинского лирического отступления:

Как сон, как сладкая мечта
 Исчезла и моя уж младость,
 Не сильно нежит красота,
 Не столько восхищает радость...
 .....
 Но так и мужество пройдет,
 И вместе к славе с ним стремленье;
 Богатств стяжанье минет,
 И в сердце всех страстей волненье!

Сожаление о прошедшей молодости лирического героя оды не мешает ему оставаться поклонником гедонизма. Воспринятая от римского поэта Горация проповедь умеренности выливается у Державина в конечном итоге утверждением ценности тех сиюминутных радостей, которые дарят человеку мгновенья земной жизни. У Пушкина данный мотив, выдержанный в элегической тональности,

окрашивается светлой грустью прощания с уходящей и невозвратимой юностью.

Еще более зримо восприятие державинских традиций проявляется в описательном слое художественной структуры "Евгения Онегина". Именно Державин, введший в своих одах принцип самовыражения неповторимой индивидуальности конкретной человеческой личности, открыл в русской поэзии способы красочно и сочно живописать быт, природу, богатство материального мира. Обилие дескриптивного элемента является отличительной чертой содержания его лирики. Особое место в ней занимали картины пиров, дружеских застолий, добротного русского хлебосольства. Державин словно наслаждается в своих стихотворениях описанием красочного убранства столов, изобилием яств и угощений, вин, фруктов, украшавших обеды петербургских богачей. Наглядный образец подобных описаний мы наблюдаем, например, в послании Державина "Первому соседу":

Гремит музыка; слышны хоры
Вкруг лакомых твоих столов;
Сластей и ананасов горы
И множество других плодов
Прельщают чувства и питают;
Младые девы угощают,
Подносят вина чередой;
И алиатико с шампанским,
И пиво русское с британским,
И мозель с зельчерской водой (I, 103 — 104).

Этим колоритное описание празднично убранного стола в оде "Фелица":

Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол серебром и златом,
Где тысячи различных блюд,
Там славный окорок вестфальский,
Там звеня рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят.
Шампанским вафли запиваю
И все на свете забываю
Средь вин, сластей и аромат. (I, 135 — 136).

Это изумительное умение живописать быт, завораживающая роскошь державинских картин не прошли незамеченными для Пушкина. И он щедро воспринимает опыт поэта XVIII века в искусстве описания дворянского быта, в частности, жизни петербургской молодежи онегинского круга. Вспомним описание дружеской пирушки, на которую спешит Онегин в I главе романа:

Вошел: и пробка в потолок,
Вина кометы брызнул ток,

Пред ним *roast-beef* окровавленный,
 И трюфли, роскошь юных лет,
 Французской кухни лучший цвет,
 И Стразбурга пирог нетленный
 Меж сыром Лимбургским живым
 И ананасом золотым (VI, 11).

В литературоведении Г.А.Гуковский уже отмечал эти факты опоры Пушкина на державинские традиции, подчеркивая одновременно и качественное отличие той функции, которую выполняли в художественной структуре романа эти описания по сравнению с функциями державинских описаний пиров. Для Державина роскошные картины быта в его одах отражали расширение пределов возможности поэтического видения мира. Ни один предмет материальной стороны жизни не утрачивает в его глазах ценности как источник творческого вдохновения. Это был способ самоутверждения, ибо личность поэта во всем богатстве ее пристрастий, вкусов заявляла себя в подобных описаниях. У Пушкина иное. Мастерски выписанные описания бытовой обстановки, в которой воспитывается Онегин, являются показателем определенной социальной среды, формирующей его характер. Быт не только становится средством психологической характеристики персонажей, но через быт в конечном итоге раскрываются и судьбы героев. Судьба Онегина, не находящего себе места в жизни, лишенного сил противостоять обстоятельствам, есть закономерное следствие космополитического модного воспитания. И то нравственное превосходство над Онегиным, которое обнаружится в характере Татьяны в финале романа, во многом обусловлено обстоятельствами ее воспитания. Описание жизненного уклада поместных дворян в именин Лариных демонстрируют уже другую сторону жизни русского дворянства, связанную по своему с устоями национальных традиций и народной жизни:

Они хранили в жизни мирной
 Привычки милой старины;
 У них на масленице жирной
 Водились русские блины;
 Два раза в год они говели;
 Любили круглые качели,
 Подблюдны песни, хоровод;
 В день троицы, когда народ
 Зевая слушает молебен,
 Умильно на пучок зари
 Они роняли слезки три;
 Им хвас как воздух был потребен... (VI, 47).

И здесь Пушкин по-своему опирался фактически на традиции поэзии Державина, относящиеся к более позднему этапу его творчества, когда поэт начинает отдавать предпочтение описаниям

скромной жизни деревенских домоседов. Таковы стихотворения Державина “Похвала сельской жизни”, послание “К Каптисту” и знаменитое послание “Евгению. Жизнь Званская”. Картины поместной жизни, где “весь быт хозяйский снаряжен по древнему обыкновенью”, поражают той же сочностью красок, тем же изобилием деталей, теперь уже национальной русской кухни, какие мы могли наблюдать в описаниях застолий петербургских вельмож:

Бутылка доброго вина,
 Впрох пива русского варена,
 С гренками коновка полна,
 И стол обеденный готов.
 .....
 А как жаркой еще баран
 Младой, к Петрову дню блюденный,
 Капусты сочныя кочан,
 Пирог груздями начиненный (II, 169 — 170).

У Державина это любованье добротной естественностью простого уклада быта деревенского жителя составляет все тот же путь творческого самоутверждения, теперь уже через противопоставление этой простоты суетной роскоши городских вельможных пиршеств. И Пушкин опирается на его опыт, но подчиняет открытые Державиным принципы живописания быта иной художественной задаче.

Опора на традиции Державина помогает Пушкину и в утверждении своей творческой программы, когда он в IX-й главе романа “Путешествие Онегина” размышляет о смене стилистических норм, фиксируя тем самым преодоление в своем творчестве метода романтизма:

Иные нужны мне картины:
 Люблю песчаный косогор,
 Перед избушкой две рабины,
 Калитку, сломанный забор.
 На небе серенькие тучи,
 Перед гумном соломы кучи...
 .....
 Мой идеал теперь — хозяйка,
 Мой желанья — покой,
 Да щей горшок, да сам большой (VI, 200, 201)

Показательно, что и здесь Пушкин следует отмеченной выше линии традиций державинской поэзии, вкрапывая в ткань своих стихов отдельные мотивы и штрихи державинских описаний из “Похвалы сельской жизни”:

Горшок горячих добрых щей,
 Копченый окорок под дымом,
 Обсаженный семьей своей,

Средь коей сам я господином...

Мотив "покоя" как предела желаний автора, как символ независимости также неоднократно звучит в поэзии Державина, в том же, например, послании "Евгению. Жизнь Званская" в 1-й строфе ("Покой мне нужен дней в остатке").

Т.е. мы видим, как Пушкин переосмысливает, дополняет, обогащает воспринятые у Державина образы или отдельные мотивы его лирики, наполняя их новым содержанием. Так подтверждается глубокая мысль, высказанная В.Г.Белинским в цикле его статей о Пушкине: "...поэзия Державина есть безвременно явившаяся, а потому и неудачная поэзия пушкинская, а поэзия пушкинская есть вовремя явившаяся и вполне достигшая своей определенности, роскошно и благоуханно развившаяся поэзия державинская"² ("Сочинения Александра Пушкина", Статья 4). Державин, в глазах Белинского, выступает непосредственным предшественником Пушкина, аккумулируя в своем творчестве основные достижения поэтической мысли XVIII столетия. В подтверждение этого мнения остановимся еще на одном показательном примере связи пушкинского романа с традициями державинской поэзии.

Одним из характерных мотивов державинской лирики является часто звучащий в его стихах мотив "блаженства" как наиболее полного воплощения человеческого счастья. Данный мотив звучит, например, в финале "Приглашения к обеду":

Блаженство не в лучах порфир,
Не в вкусе яств, не в неге слуха,
Но в здравье и спокойстве духа
— Умеренность есть лучший нир (I, 669).

Этот же мотив звучит в финале стихотворения "К первому соседу":

Блажен, кто может веселиться
Бесперерывно в жизни сей,
Но редкому пловцу случится
Безбедно плавать средь морей (I, 105).

Повторяется он и в одном из принципиальных произведений Державина последних лет жизни "Ариштиппова баня":

Блажен и в средствеиной кто доле
Возмог обуздывать по воле
Своих стремлений прихотей (III, 91).

Во всех приведенных примерах введение данного мотива сопряжено с проповедью умеренности, того идеала скромной жизни как залога нравственного спокойствия и умения довольствоваться малым, ко-

торый в своих истоках был воспринят Державиным в посланиях римского поэта Горация. Поэзия XVIII века, правда, знала и еще один источник использования этой формулы "блаженства". Я имею в виду тексты Священного писания, евангельские книги и книги Псалтыри, где данный мотив звучит постоянно. Вспомним в Евангелии от Луки: "Блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царство Божие. Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь. Блаженны плачущие ныне, ибо возмеетесь". Особенно часто пользование этого мотива встречается в Псалтыри. Учитывая то место, которое в лирике XVIII века занимали переложения псалмов, мы наблюдаем присутствие этой формулы в поэзии XVIII века довольно часто. Вспомним хотя бы переложение псалма I у Ломоносова:

Блажен, кто к злым в совет не ходит
Не хочет грешным вслед ступить,
И с тем, кто в пагубу приводит,
В согласных мыслях заседать.

Аналогичным образом этот мотив звучит и в переложении псалма 145:

Блажен тот, кто себя вручает
Воссыльному во всех делах...

В текстах Священного писания в этой формуле также своеобразно фиксируется достижение человеком состояния счастья, но не на земле, а как итог обретения божественной благодати. В этом качественное отличие использования мотива "блаженства" у Горация, с его проповедью умеренности, которое воспринял Державин, от чисто библейского его осмысления. В Библии возможность обретения блаженства в благодати, даруемой всемогуществом Бога, распространяется и на народ. Например, в псалме 32: "Блажен народ, у которого Господь есть Бог, — племя, которое Он избрал в наследие Себе".

Державину, кстати, не было чуждо использование рассматриваемого мотива в подобном осмыслении, что можно наблюдать в стихотворении "Вельможа":

Блажен народ, который полн
Благочестивой веры к Богу,
Хранит царев всегда закон,
Чтит нравы, добродетель строгу
<...>

Блажен народ, где царь главой,
Вельможи здравы члены тела,
Прилежно долг все правят свой,
Чужого не касаясь дела.

Правда, как видим, чисто религиозный аспект трактовки счастья в масштабах народной жизни сочетается в приведенных стихах с указанием на политические условия, способные гарантировать народное благополучие. Блаженство общества зависит от общественной стабильности. И здесь Державин естественно остается представителем своего века. Блаженство общества представляется ему в рамках идеально упорядоченного монархического государства, где каждое сословие, каждый подданный честно исполняют свой долг. Но чаще, как я уже отметил, трактовка понятия "блажен" связана у Державина с утверждением скромной умеренности как залога человеческого счастья. Поэт выступает с позиции частного простого человека. Наиболее наглядно такое осмысление мотива заявлено в оде "Видение мурзы" (1783):

Блажен, воспел я, кто доволен
В сем свете жребием своим,
Обилен, здрав, покоен, волен
И счастлив лишь собой самим;
Кто сердце чисто, совесть праву
И твердый нрав хранит в свой век
И всю свою в том ставит славу,
Что он лишь добрый человек (I, 160).

Вот оно утверждение ценности земного бытия человека, проповедь горацианского идеала счастья, когда залогом обретения блаженства является душевное спокойствие. В формуле Державина запечатлена спокойная ясность мироощущения XVIII столетия, с его конечным оптимизмом, покоящимся на уверенности в достижимости счастья.

Пушкин усваивает этот опыт поэзии XVIII века, но качественно переосмысляет его, обогащая звучащий в стихах Державина мотив новым смыслом. Формула "блажен", концентрировавшая в XVIII веке мечту о счастье, наполняется под пером Пушкина более глубоким содержанием. Я имею ввиду X строфу из последней главы "Евгения Онегина", содержащую размышления автора о необратимости жизни, как бы комментирующие печальную судьбу героя романа.

Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто во-время созрел,
Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел...

Источник традиции, которой следует Пушкин, очевиден. На первый взгляд, державинская трактовка используемого здесь мотива разделяется Пушкиным. Но не будем спешить с заключением, прочтем далее:

Кто странным снам не предавался,
 Кто черни светской не чуждался,
 Кто в двадцать лет был франт иль хват,
 А в тридцать выгодно женат;
 Кто в пятьдесят освободился
 От частных и других долгов,
 Кто славы, денег и чинов
 Спокойно в очередь добился,
 О ком твердили целый век:
 N.N. прекрасный человек (VI, 169).

Горькая ирония пронизывает заключительную часть приведенной строфы. Несоотнесенность представлений о пределах счастья, формируемых законами светской среды, с внутренним миром автора бросается в глаза. Завидный успех посредственности осознается той нормой, которая обеспечивает успех в свете. Этой участи успел избежать Онегин, заплатив за это дорогую цену — напрасно прожитую жизнь. Пушкин ставит проблему, решение которой будут искать следующие поколения русских писателей. Но важно помнить, что сама форма воплощения поэтической мысли, заключенной в процитированном лирическом отступлении, была фактически задана стихами Державина. Так творчество крупнейшего поэта XVIII века служит своеобразным фундаментом в воплощении пушкинского мирозерцания. Опираясь на опыт Державина, Пушкин идет дальше, наполняя воспринятые у него образы и мотивы новым, более глубоким содержанием.

¹ Сочинения Державина с объяснит. прим. Я.К.Грота: В 9 т. Спб., 1864. Т. 1. С. 93 — 94. Далее тексты произведений Державина печатаются по этому изданию с указанием тома и страницы.

² Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 7. С. 276 — 277.

РОССИЙСКИЙ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1996

№ 8

Отделение литературы и языка Российской академии наук
Институт научной информации по общественным наукам РАН
Международное общество культурных связей с Индией

Издается с 1993 года

К 200 - ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ А.С.ПУШКИНА Тематический номер

СОДЕРЖАНИЕ

Из пушкиноведческих разысканий

В.И.Кулешов. Духовный путь Пушкина (К пересмотру концепций).	3
А.А.Смирнов. Романтика дружбы в лирике Пушкина.	13
М.В.Строганов. О роли предания в исторических сочинениях А.С.Пушкина.	23
Д.П.Ивинский. "Медный всадник" Пушкина и "Отрывок" III части "Дядюв" Мицкевича	32
А.Б.Криницын. Пушкин и Жюль Жанен.	37
И.С.Кузнецов. Элегия Пушкина "Брожу ли я вдоль улиц шумных...".	49
Т.К.Батурова. Пушкин и альманах "Уrania".	56
Г.В.Зыкова. "Цыганы" и опера Вебера "Прецноза".	65

К "Евгению Онегину"

Ю.В.Стенник. Традиции Державина в "Евгении Онегине".	68
Н.Л.Дмитриева. Татьяна и Полина (Пушкин и Загоскин)	77
Г.В.Краснов. Соседи в поэтическом мире "Евгения Онегина".	85
В.А.Кошелев. Именник "Евгения Онегина" в функциональном аспекте.	91
Е.Я.Вольская. "Куплет Татьяне".	101
Е.А.Пономарева. О какой "грамматике" речь?	106
Н.И.Михайлова. "И учит азбуке детей".	111
А.В.Наумов. "Евгений Онегин" глазами криминалиста	114